

Д. С. Мережковский. «Иисусъ Неизвѣстный». Т. I. Влгградъ.

Говоря о новой книгѣ Д. С. Мережковского, «Иисусъ Неизвѣстный», только еще начатой печатаньемъ (передъ нами томъ I, обнимающій I и II части), я не претендую высказаться ни достаточно полно, ни достаточно по существу. Слишкомъ много вопросовъ затронуто въ этой книгѣ, уже теперь можно сказать, одной изъ значительнѣйшихъ работъ Д. С. Мережковского.

Поневоля огурубляя, чтобы сказать это въ нѣсколькихъ словахъ, основныя положенія книги слѣдующія: 1) наше знаніе о евангеліи есть не знаніе, а лишь какая то роковая инерція нечувствія; 2) наше приближеніе къ Христу, сколько бы мы ни вкладывали въ представленіе о Немъ добрыхъ чувствъ, въ сущности — полное о Немъ невѣдѣніе. Только преодолевъ въ себѣ двухтысячелѣтнюю инерцію, только прійдя въ движеніе для нахождения Христа Неизвѣстнаго и Неизвѣстнаго Евангелія, мы сможемъ прійти къ церкви будущаго вѣка.

Современное христіанское соборное усиліе должно быть направлено не къ тому, чтобы хранить Образъ Христа каноническій, но къ тому, чтобы почувствовать и понять подлинный Его образъ.

Не ересь ли эти положенія? Законно ли для христіанина подобное держанье, совмѣстимо ли со смиреньемъ и вѣрой?

Д. С. Мережковский отвѣчаетъ на это такъ: «ростъ человѣческаго духа остановился въ IV вѣкѣ, когда движущая сила Духа — Евангеліе — заключена была въ неподвижный канонъ. Свято хранилъ Канонъ Евангелія отъ разрушительныхъ движеній міра; но если дѣло Евангелія — спасеніе міра, то оно совершается за неподвижной чертой Канона, тамъ, гдѣ начинается движеніе Евангелія къ міру и міра къ Евангелію... Тѣло Евангелія расковать отъ брони Канона, Ликъ Господень отъ церковныхъ ризъ такъ нечеловѣчески трудно и страшно, если только помнить, чье это Тѣло и Чей это Ликъ, что одной человѣческой силой этого сдѣлать нельзя; но это уже дѣлается самимъ Евангеліемъ, вѣчно въ Немъ дышащимъ Духомъ Свободы».

Разрывъ христіанства съ жизнью (мнимаго христіанства съ мнимой жизнью), что бы намъ ни возражали, въ представленіи подавляющаго большинства современниковъ — совершившійся фактъ. «Слѣпо читаютъ люди Евангеліе», говоритъ Д. С. Мережковский — «потому что привычно. Въ лучшемъ случаѣ думаютъ: галилейская идиллія, второй неудавшійся рай, божественно прекрасная мечта земли о небѣ; но если исполнить ее, то все полетитъ къ черту». — «Страшно думать такъ?» спрашиваетъ Мережковский и отвѣчаетъ: «нѣтъ, привычно». Результатъ этой слѣпой привычки: христіанскій міръ въ тупикѣ. Давно сказано: христіанство имѣетъ цѣлью устроеніе загробной жизни;

здѣсь — оно ставитъ невыполнимыя для огромнаго большинства нравственныя требованія, насилуетъ умъ, заставляя принимать невмѣстимыя для него положенія —

Толстой не могъ принять Мистерію и назвалъ ученіе Церкви обманомъ вѣры, подмѣной, разлучившей людей со Христомъ. Розановъ съ невѣроятной остроотой переживалъ отпаденіе Сына отъ Отца. Но самое страшное — современное, безъ волненія, съ горечью произносимое: «Евангеліе — прекрасная, но неисполнимая мечта».

Снять эту тяжесть съ человѣчества, по мнѣнію Д. С. Мережковскаго, можетъ только Незвѣстное Евангеліе. Тупикъ, къ которому привело насъ безучастное слѣдованіе традиціонному представленію о Евангеліи — бездна кажущаяся, обманъ чувствъ, несовершенство человѣческаго воспріятія, благодаря которому благовѣстіе о жизни, о преображеніи и освященіи земли превратилось въ отверженіе жизни.

Образъ Христа, воскресшаго во плоти, остался неувидѣннымъ вполне, можетъ быть отъ неспособности глазъ человѣческихъ прямо смотрѣть на солнце. Что то отъ «ученики ночью выкрали тѣло Его», слышится, когда повторяютъ губы наши: «Царствіе Мое не отъ міра сего».

Эллиническое абстрактно-холодное, умственное теченіе въ раннемъ христіанствѣ какъ бы анестезировало конкретное, горячее теченіе сердца — начало іудейское, о Мессіи. Іудейское знаніе о Мессіи, преобразователь жизни, осталось неслышаннымъ эллинами.

Почувствовать по настоящему, понять, насколько невѣдомъ намъ Иисусъ Незвѣстный — это главное. Осознать — значитъ сорвать съ глазъ повязку благопо-

лучія, открыть сердце навстрѣчу Ему. «Чтобы увидѣть Его надо услышать Его, какъ услышалъ Паскаль: «въ смертной мукѣ Моей я думалъ о тебѣ, капли крови Моей Я пролилъ за тебя». И какъ услышалъ Павелъ: «Онъ возлюбилъ меня и предалъ Себя за меня» (Гал. 2. 20). Вотъ самое неизвѣстное въ Немъ, Незвѣстнымъ: личномъ отношеніи Іисуса Человѣка къ человѣку, личности, прежде чѣмъ мое къ Нему, Его ко мнѣ отношеніе».

«Христіанство — странно», сказалъ Паскаль. «Странно, необычайно, удивительно», говоритъ Д. С. Мережковскій. «Первый шагъ къ нему — удивленіе, и чѣмъ дальше въ него — тѣмъ удивительнѣй».

Ученіе Христа, Личность Его и дѣйствія порой столь смущающе-странны для человѣческаго ума, столь несоизмѣримы съ нашимъ ограниченнымъ сознаніемъ, что съ первыхъ же дней Христовой проповѣди ученики Его порой бывали принуждены какъ бы бѣжать отъ Него подлиннаго, спастись въ людское о Немъ и о словахъ Его представленіе.

Даже внѣшній обликъ Христа оказался для видѣвшихъ Его невыразимымъ, свидѣтельства ихъ какъ бы составлены лишь изъ отдѣльныхъ проблесковъ озаренія, средь человѣческой потребности сдѣлать Нечеловѣческое — человѣческимъ.

«Корни обоихъ преданій о красотѣ и безобразіи Лика Господня», говоритъ Д. С. Мережковскій, «уходятъ, кажется, въ очень темное, но исторически подлинное воспоминаніе. Самое особенное, на другія человѣческія лица не похожее, личное въ лицѣ Іисуса не есть ли именно то, что оно по ту сторону всѣхъ человѣческихъ мѣръ красоты и безобразія, несоизмѣримо съ нашей трехмѣрной эс-

тетикой. Если такъ, то понятно, что видѣвшіе Его уже не помнятъ, какое изъ двухъ пророчествъ исполнилось въ Немъ: «Ликъ Его обезображенъ паче всѣхъ человѣковъ» или «Ты прекраснѣе всѣхъ сыновъ человѣческихихъ».

Изъ этой невозможности вмѣстить Его явилась воля къ «докетизму». Докетами, «каженниками» называли въ древнемъ христіанствѣ тѣхъ, кто не хотѣлъ принять Его во плоти. «Видимое тѣло Иисуса — только тѣнь, призракъ», училъ Маркіонъ въ концѣ II вѣка. «Лама сабахтани», возгласилъ Господь на крестѣ только для того, чтобы обмануть и побѣдить сатану», скажетъ Афанасій Великій, столпъ православія. «Въ пищѣ Господь не нуждался», по Клименту Александрійскому: призракъ не ѣстъ, не пьетъ. «Жажду» на крестѣ — значитъ: жажду спасти родъ человѣчскій, скажетъ Лудольфъ Саксонскій, написавшій въ XV вѣкѣ одну изъ первыхъ «Жизней Иисуса». «Иисусъ — только распятый призракъ», скажутъ и нынѣшніе докеты — мифологи. Такъ, отъ Маркіона черезъ Афанасія Великаго и Златоуста до нашихъ дней все христіанство пронизано докетизмомъ.

Другой соблазнъ — иносказательно — докетизмъ — толковать и сопровождать Евангелія человѣческими поясненіями. Грубѣйшимъ нечувствіемъ пронизана богословская тенденція: успокаивать себя «знаніемъ» и «объясненіемъ» тамъ, гдѣ Евангеліе дышетъ огнемъ палящимъ.

Этимъ огнемъ нужно себя распалать, доколѣ не услышишь отвѣта, подобно Паскалю.

«Быль ли Христось» — такъ ставитъ вопросъ Д. С. Мережковскій, «значитъ сейчасъ: будетъ ли христіанство?» Вотъ почему прочесть Евангеліе, какъ слѣ-

дуетъ, такъ, чтобъ увидѣть въ Немъ не только Небеснаго, но и Земнаго Христа, узнать Его, наконецъ, по плоти, сейчасъ значитъ спасти христіанство — міръ.

«Церковь, врата адовы не одолѣютъ ея, сама отъ страшной болѣзни «каженія», можетъ быть, спасется; но этого мало: ей надо спасти міръ. Церковь знаетъ Христа во плоти; но Его уже не знаетъ и не хочетъ знать міръ. Вѣчный путь Церкви — отъ Иисуса Земнаго ко Христу Небесному; міру, чтобъ спастись, надо пойти обратнымъ путемъ, не противъ Церкви, а къ Ней же, отъ Христа къ Иисусу. Путь Церкви — ко Христу Извѣстному; путь міра — къ Иисусу Неизвѣстному», говоритъ Д. С. Мережковский.

Ю. Терпигановъ.

М. Цетлинъ. — Декабристы. — Изд. «Совр. Зап». — Парижъ 1933.

Независимо отъ объективной значительности, тема какого бы то ни было литературнаго произведенія можетъ быть или темой писателя, вѣрнѣе «автора», или темой всего человѣка, вѣѣ его писательства: темой, или одной изъ темъ, его личности. Только во второмъ случаѣ произведеніе «настоящее», т. е. живетъ собственной жизнью, какъ бы зажигается отъ жизни — а не только созерцанія—человѣка, его создавашаго. Когда читаешь «Декабристовъ» М. Цетлина, невозможно усомниться въ томъ, что для него сюжетъ этотъ не изъ тѣхъ, которые приходятъ и проходятъ, а такой, который сопровождаетъ его всегда, который онъ глубоко понимаетъ и любитъ, — настолько цѣльно все произведеніе, настолько живы лица, выведенныя въ немъ.